

АННА ДЖЕЙН

ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ВЕДЬМА

CLEVER
•издательство•

*Виктории Тимчук, которая вдохновила на эту историю
и угрожала тем, что знает мой адрес*

ПРОЛОГ

В МАНСАРАДЕ, в полутемной девичьей комнате, было тепло и уютно. Ее освещал мягкий свет, исходящий от экрана ноутбука, и огоньки электрической гирлянды, что тянулась по стене и по невесомому балдахину над кроватью. По-домашнему вкусно пахло горячим какао и горьким шоколадом. Тихо играла приятная расслабляющая музыка. А за окном пушистыми хлопьями беззвучно падал вечерний снег.

Настроение в воздухе витало предновогоднее, хотя праздник был еще не скоро.

На кровати с телефоном в руках сидела девушка: темно-русые длинные волосы забраны в высокий хвост, на красивом лице с тонкими чертами хитрое выражение. Чуть прикусив губу, она писала пост для своего небольшого блога в социальной сети:

«Пожелайте мне удачи. Я покоряю человека с железным сердцем, каменными плечами и чугунной головой. У него ужасный характер и невероятный голос, от которого внутри все замирает. И я не знаю, чего мне хочется больше — придушить его или обнять.

Он несносный. В нем чудесным образом сочетаются властность, стремление доминировать и заботливость.

Он зануда, который старается все делать правильно, но при этом совершает такие безбашенные поступки, на которые я никогда бы не решилась.

Он серьезный и взрослый, сарказм и ирония — его главное оружие.

Он совершенно не мой тип, но другие считают, что он красивый и мужественный.

Он преподаватель в университете, а я старшекурсница, которая пытается его завоевать.

И пока он не знает, что станет моим парнем. Моим настоящим парнем. Но ведь это дело времени, правда? Я добьюсь его во что бы то ни стало. Берегись, милый, я лечу к тебе на своей метле».

Девушка раскинула руки в стороны, упала спиной на мягкую кровать и весело расхохоталась.

— Все равно вы будете моим, Олег Владимирович, — сказала она. — Разве вы сможете устоять перед Ведьмой?

Она поднесла телефон к лицу и стала разглядывать фото темноволосого молодого мужчины, лицо которого было серьезным и строгим, а вот в чуть прищуренных глазах светилась насмешка. Девушка зачем-то увеличила лицо, провела указательным пальцем по линии скулы и дотронулась до губ. Губы у него были жесткие, но целовался он так, что ноги подкашивались. А аромат его одеколона просто сводил ее с ума.

Одно только воспоминание об этом заставило сердце девушки стучать чаще, и казалось, что в запястьях, там, где пульс, одна за другой загораются звезды. То, что началось как игра, закончилось настоящими чувствами. Таня решилась. Теперь она действительно собиралась завоевать этого человека. По-настоящему. Несмотря ни на что.

«Спокойной ночи, Олег Владимирович, — улыбаясь, написала девушка в мессенджере. Она часто называла его по имени-отчеству, это казалось ей забавным. — Думайте обо мне, и, возможно, я вам приснюсь».

Он ответил ей почти сразу же:

«Не люблю кошмары, Ведьмина».

«Странно. Тогда зачем вы встречались с монстром?» — спросила девушка, имея в виду его бывшую.

«Ты ведь заставила меня встречаться с тобой. Спи».

«Ваш юмор заставляет меня дергать ножкой от восторга. Я не монстр, Олег Владимирович, — ехидно улыбаясь, написала девушка. — Я всего лишь Ведьма. А вы Владыко моего сердца... Чмоки-чмоки вас в лобик».

«Как покойника?» — поинтересовался он.

«Что за глупости, Олег Владимирович! Как страстно любимого мужчину! И вообще, отправьте мне стикер с сердечком».

Сообщение пришло ей почти мгновенно. Однако это оказалось сообщение не от него, а совсем от другого

человека. Судя по фото на аватарке, отправителем был симпатичный парень лет двадцати пяти с копной светлых волос.

«Привет, Танюша, я вернулся. Ты скучала?»

И улыбка девушки погасла. Какое-то время она молча рассматривала фото этого парня, а потом, кусая губы, все же написала:

«Привет, Костя. А должна была?»

«Извини, если задел. Просто я очень скучал».

Какое-то время они переписывались, и лицо Тани становилось все более безжизненным — так бывает, когда встречаешь прошлое, которое с трудом отпустил. Когда-то это прошлое было твоим настоящим, цеплялось, ранило своими когтями почти до крови, а теперь от него остались лишь два заметные шрамы, которые хотелось от всех прятать. А от самого себя — в первую очередь.

Таня с головой погрузилась в эту переписку с собственным прошлым и с человеком, за которого раньше готова была умереть. Она забыла обо всем на свете, даже об Олеге — мужчине, которому посвятила пост, однако тот сам напомнил о себе. Позвонил ей спустя полчаса. Трубку Таня взяла не сразу — не хотела разговаривать. Слишком сильно мешал образ Кости в голове.

— Что, соскучился? — спросила девушка делано веселым голосом, словно и не было этой переписки с Костей. — Рассказать сказку перед сном? Могу даже колыбельную спеть.

Однако в ответ она не услышала ничего, кроме скрипа снега, какого-то странного шума и глухих ударов, а после — вскриков.

Ее сердце замерло, а руки похолодели от страха, волна за волной накрывавшего с головой.

— Алло! Что случилось? — спросила Таня. — Олег, что происходит?! Олег!..

И вдруг где-то далеко раздался чей-то пронзительный крик:

— Вызовите скорую!

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Три недели назад

НА ПАРЕ БЫЛО ужасно скучно.

Настолько, насколько может быть скучным едва слышное бормотание засыпавшего за кафедрой престарелого преподавателя, который со дня на день собирался уйти на заслуженный отдых. Предмет не был профильным, а потому особого интереса не вызывал, а зачет обещал быть легким. Хотелось спать, потому что в потоковой аудитории было еще и холодно — что-то случилось с отоплением, и мы уже вторую неделю занимались в куртках, а кто-то даже не снимал шапки.

Я сидела за четвертой партой, по привычке выпрямив спину и делая вид, что внимательно слушаю, но глаза то и дело закрывались, а голова так и норовила упасть на плечо. Шел шестой час вечера, и нестерпимо хотелось домой. Я бы многое отдала, чтобы оказаться сейчас в уютной кухне с теплым пледиком, чашкой горячего какао и новой серией любимого сериала, однако приходилось вслушиваться в бормотание профессора, время от времени зябко передергивая плечами.

Субботний день и шестая пара плохо сочетались друг с другом. И кто только составил такое расписание, заставив бедных студентов-четверокурсников учиться с обеда и до самого вечера? У меня был ответ на этот вопрос: наверняка кто-то, кто не мог похвастаться особым умом. Однако тогда, сидя на скучной паре, я еще не знала, что благодаря этому альтернативно одаренному, составившему *именно такое расписание*, я встречу человека, который сможет изменить мою жизнь и меня саму.

Тогда я вообще ничего не знала — ни неприятностей, ни печалей, ни странных, порою абсолютно нелепых и смешных ситуаций.

И любви тоже не знала.

Я считала, что такие, как я, не умеют любить. Ведь для ведьм любви не существует (и пусть Ведьма я всего лишь из-за фамилии Ведьмина; меня с детства так называли, а я никогда не была против).

В какой-то момент голос преподавателя окончательно убаюкал меня, и я не заметила, как закрыла глаза и провалилась в зыбкий сон. Мне снилось, что я иду по заснеженной темной дороге, в лицо дует холодный ветер и бьет снег и мне проще повернуть назад, чем идти дальше, однако я иду, иду и иду, точно зная, что в конце этой сложной дороги меня ждет особенный человек. Подняв голову, я вижу его. Он стоит, скрестив на груди руки, высокий, подтянутый, широкоплечий. И изо всех сил бегу к нему, потому что только с ним я смогу согреться. Но, оказавшись рядом с ним, я вздрагиваю от ужаса: у особенного человека лицо того самого престарелого преподавателя, читающего лекцию.

«Иди ко мне, моя любимая студенточка», — сказал он и протянул ко мне руки, чтобы обнять. И я, вздрогнув, проснулась.

Господи, привидится же такое! Любимая студенточка, фу! Как вообще можно встречаться с преподавателем? Не хватает ровесников?

— Обязательно запомните, это важная информация, — задребезжал профессор, не зная, что только что посетил мой сон. — На зачете обязательно буду об этом спрашивать.

Он повторил материал, и я, зевнув, лениво сделала пометку в тетради. Остальные, кажется, вообще ничего не записывали. Хотя лекция и была потоковая, народу собралось совсем мало — человек тридцать от силы, и это при том, что по списку должно было быть в пять раз больше. Я бы и сама с радостью прогуляла эту нудную пару, но приходилось посещать все лекции и то и дело бегать в учебный отдел: именно мне еще на далеком первом курсе выпало

сомнительное удовольствие стать старостой, а заодно и советью нашей группы бакалавров, теперь счастливо обучавшейся на последнем курсе экономического факультета. Кроме того, на меня была возложена великая честь отмечать присутствующих — некоторые преподаватели считали посещаемость крайне важной. Впрочем, другим, в число которых входил и продолжавший что-то бубнить профессор, было все равно.

Я едва не заснула вновь, однако рядом со мной за парту плюхнулась моя лучшая университетская подруга Женька и задорно зашептала, щекоча ухо своим дыханием:

— Эй, Татьяна, я тут такое видела!

— Что видела? — недовольно спросила я и бросила взгляд на наручные часы, тонкий кожаный ремешок которых обхватывал запястье. Еще полчаса. Господи, я не выдержу!

— Ваську видела! — сообщила Женька, кутаясь в куртку.

Подруга была вся как огонь: рыжие вьющиеся волосы, румянец на щеках и искры в глазах. Я по-доброму завидовала ее кудряшкам, а она всегда говорила, что завидует моим прямым волосам. Все как обычно у девушек — кудрявые мечтают о прямых волосах, а те, у кого волосы прямые, — о вьющихся.

— Какого еще Ваську? — удивилась я.

Подруга закатила янтарные, с золотыми крапинками глаза.

— Какую, а не какого! — с торжеством выдала она. — Окладникову.

— Василину? — переспросила я.

— Ты совсем отупела, пока меня не было, — выдохнула Женька. — Естественно, ее.

— И что же ты такого увидела? — Я покосилась на преподавателя. Нашего разговора он явно не замечал, продолжая монотонно что-то вещать. Остальные методично били баклуши.

— Ты не поверишь, — пыталась держать интригу Женья, не забывая улыбаться.

— Она тебе голый зад продемонстрировала и убежала? — скептически посмотрела я на подругу. — Мне звонить психологу, чтобы он восстановил твою хрупкую психику?

— Ой, Татьяна, да ну тебя с твоими шуточками. Ты знала, что у Васьки есть парень?

— Парень? — изумилась я. — И кто этот ненормальный?

Василина Окладникова, о которой мы сейчас говорили, была моим старым недругом. Она училась вместе с нами на экономическом факультете, правда на другой специальности. И хоть на лицо казалась симпатичной, да и фигуру, надо сказать, имела неплохую, характером не вышла от слова «совсем». Милая, приветливая, умеющая заечь — просто душа компании, на самом деле Василина была той еще мерзостью с тонкими ножками и с жалкой шейкой, которую можно было переломить двумя пальцами. Я часто мечтала это сделать. И ласково называла ее Васькой. Как она называла меня, я могу лишь догадываться, но явно не Танечкой. Наша неприязнь была взаимной и глубокой уже много-много лет.

— Я его не знаю, — продолжала Женька, которая теплыми чувствами к Ваське тоже не пылала, — но он ничего: высокий, темненький, мордашка симпатичная. В очках, правда, но ему идет. Так и хочется обратиться к нему «сэмпай».

Я едва не закатила глаза. Евгения была заядлой анимешницей, а недавно увлекалась косплеем и вместе с каким-то местным косбэндом готовилась к фестивалю. Моя любовь к аниме так далеко не заходила, я предпочитала американские комиксы и даже собирала свою коллекцию, а еще обожала фильмы по «Марвел» и «ДС».

— «Сэмпай» и Васька, — хмыкнула я, машинально начав рисовать на полях решетки. — Отличное название для аниме-сериала. Уже вижу, какими будут серии: «Как я попался на удочку чудовища», «Потерянная свобода, или Романтическое рабство» и «Верните мне лучшие годы жизни!».

— Может быть, он в нее действительно влюблен, — хихикнула Женя. — Я их случайно заметила, они в таком уединенном месте стояли, будто специально, чтобы их никто не увидел. Пошла я в столовую...

— Ты же в туалет хотела, — перебила я подругу.

— ...и решила зайти попить купить, — махнула она рукой. — Так вот, захотела я срезать путь и пошла через колодец, в котором ремонт. Иду по второму этажу, смотрю — а внизу, под лестницей, они стоят и целуются. Я аж залюбовалась: такая парочка милая, так страстно друг друга обнимают. Даже сердечко екнуло от умиления. А потом пригляделась — это же Васька с каким-то типом! — громким шепотом рассказывала мне Женька, личность чрезвычайно эмоциональная, шумная, веселая и простая, я бы даже сказала, иногда простая, как табуретка, но с ней было спокойно и не нужно было выглядеть лучше, чем я есть.

— И что, долго ты подсматривала?

— Не-а. Пошла в столовку. Зато когда шла обратно, они уже не целовались. Он говорил ей что-то, а она плакала, — поведала мне подруга, убирая за ухо непослушную огненную прядь.

— От счастья? — хмыкнула я.

— Откуда мне знать? — беспечно пожалала Женька плечами.

— Может быть, от его поцелуев девушки сразу улетают на седьмое небо?

— Прости, я не спустилась к ним и не взяла интервью, что он там умеет, а что нет. Но Васька точно не от счастья ревела. Вдруг он в армию уходит, вот она и поет?

— Ага, на флот, подводником, — иронично заметила я.

Новость о том, что у той, кого я терпеть не могла, появился молодой человек, заинтересовала. Я никогда не питала к Василине Окладниковой нежных чувств, а с недавнего времени так и вовсе стала искать уязвимые места. Может быть, это мой шанс?

— О чем они говорили?

— Извини, со второго этажа слышно не было, — фыркнула Евгения. — Васька стояла, опустив голову, а парень положил ей руки на плечи, вот так, — продемонстрировала она жест незнакомца, с размаху шлепнув мне на плечо ладонь с растопыренными пальцами. — А потом взял ее за...

— За волосы? — перебив, полюбопытствовала я. — Скальп хотел снять?

— За подбородок и...

— Челюсть оторвать хотел?

— Ведьмина! — не выдержала Женька. — За подбородок он ее взял и голову приподнял. Чтобы в глаза заглянуть! Вот так! — И она показала на мне это движение, глядя в лицо нарочито вытаращенными глазами, приподняв брови и сложив губы уточкой.

Я с трудом сдержалась от смеха:

— Романтичненько. Если при этом «сэмпай» так смотрел на Ваську, я понимаю, почему она плакала.

— Вы чего делаете, девчонки? — потыкал нам в спины ручкой одноклассник, питавший, как я давно заметила, определенно теплые чувства к Женьке.

Звали его Илья, и этот Илья таскался за нами хвостиком, всячески пытаясь привлечь внимание подруги. Та не привлекалась. Ей куда больше нравились парни не реальные, а нарисованные. Илья страдал, но не отступал.

— Драму разыгрываем, — отозвалась я шепотом.

— Мне уже можно ревновать? — заржал он.

— Тебе можно идти к черту, — любезно разрешила я.

— Возьмите меня к себе третьим, — не отставал Илья. — Будем модными. Любовь на тронх, все дела.

— Идиот, — прошипели мы с Женькой одновременно.

Я хотела наградить его еще каким-нибудь нехорошим словечком, однако, заметив, как посмотрел на нас лектор, сочла за лучшее отвернуться.

— Интересно, что между ними произошло? — спросила Женька задумчиво. — Жаль, я не взяла с собой телефон, а то сняла бы их на камеру.

— Что бы ни произошло, я узнаю, — хищно пообещала я.

Я знала про свою врагиню все, а вот про парня мне ничего известно не было. И когда только Васька успела его завести? Интрига вечера.

ГЛАВА 2

В ЭТОТ РАЗ СТАРЕНЬКИЙ ПРОФЕССОР не стал держать нас до конца лекции, а, назвав список литературы, с которой настоятельно рекомендовал ознакомиться к зачету, отпустил на пятнадцать минут пораньше.

Измученные студенты тотчас повалили к дверям, на ходу одеваясь и закидывая на плечи рюкзаки. Шестая пара оказалась утомительной. Женька тотчас унеслась домой доделывать лабораторную работу, о которой она благополучно забыла, следом за ней побежал и Илья, обещавший помочь, а я в наушниках направилась к стоянке.

На улице было темно и холодно — впрочем, чего еще ждать от ноября с его первыми морозами и порывистыми ветрами? Однако мне все было нипочем: дорогие родители подарили машину. И не просто машину, а мечту любой девушки — «мини-купер». Новенькая, блестящая и алая, как кровь, малышка ждала меня на стоянке неподалеку от университетского корпуса, и я, цокая каблуками, спешила к ней, бережно держа в руках ключи.

Честно говоря, дом мой находился недалеко от университета, всего лишь в нескольких остановках на автобусе, но я предпочитала ездить на машине. Не потому, что хотела показаться крутой или произвести на кого-то впечатление, а потому, что мне очень уж нравилось находиться за рулем, чувствуя скорость и понимая, что управление полностью лежит на мне. И что это я, а не кто-то другой заставляю машину двигаться.

С тех пор как в прошлом году я сдала на права, вождение стало моим антидепрессантом. И я уже воспринимала «малышку» не как машину, а как верного красного механического коня или, лучше сказать, пони, потому как габариты у «малышки» были небольшие — чисто женская машинка, яркая и элегантная. Водительский стаж у меня был

скромным, и я все еще побаивалась ездить по городу с его нескончаемыми пробками, однако путь от университета до коттеджного поселка, где я жила, был недолгий, а трасса хорошей. Самое то для начинающего водителя.

Наслаждаясь морозным воздухом, я шагала по аллейке, громко стуча высокими каблуками. Падал снег. Он невесомыми перьями оседал на лапах елей, высаженных вдоль массивного корпуса, легким покрывалом ложился на замерзшую землю с остатками пожелтевшей травы, игриво путался в волосах и беззвучно таял, попадая на лицо или руки. Снег всегда поднимал мне настроение, даря предчувствие сказки и предвкушение скорого праздника. До Нового года оставалось немногим больше месяца. Пора было придумывать, что подарить домочадцам и друзьям. Кажется, Женька хотела кугуруми, и у меня еще есть время заказа...

С этой мыслью я благополучно споткнулась, не заметив на своем пути палку, и, перелетев через невысокий бордюр, упала прямым под ближайшую елку.

— Сволочь! — от души выругалась я, сидя на земле и вытаскивая из волос какую-то ветку. Сволочью, разумеется, была коварная палка. Попалась же мне под ноги, а?

Приземление было довольно мягким, и я не ударилась, зато телефон вывалился из рук и затерялся где-то в сухой траве, припорошенной снегом. Хорошо еще, что свидетелей моего позорного падения не оказалось — так поздно в субботу учились только мы.

— Чтоб тебя, — злобным шепотом пожелала я проклятой палке переломиться и, спешно отряхиваясь, стала искать телефон.

Поиски особой плодотворностью не увенчались, и я облизала всю землю под парой елок, прежде чем отыскала телефон. При этом умудрилась порвать новенькие колготки. Как — ума не приложу. Когда я увидела телефон и цепко его схватила, подул ветер, и прядь моих длинных темно-русых волос зацепилась за словую лапу. Пришлось распутывать. Несколько волос так и остались в иголках навечно. Дурдом.

Я хотела было уже встать и отряхнуться, как вдруг услышала голос Васьки и притаилась. Не хотелось вылезать из-под елки при ней. Представляю, как это будет выглядеть: я лохматая, взъерошенная и вся в снегу. Вот Васька обрадуется! Лучше тихонечко переждать, чем позориться в глазах врага.

— Пожалуйста, подожди! — закричала Окладникова, и я с содроганием сердца подумала: а вдруг это она мне?!

— Олег, прощу! Олег! — стал громче ее голос, и я с облегчением выдохнула: кем-кем, а вот Олегом я себя никогда не считала.

Раздались спешные шаги, и из-за угла корпуса вырулил этот самый Олег, лицо которого скрывала тень, и единственное, что я хорошо разглядела, были очки. Следом за Олегом бежала растрепанная Васька в одном платье, без верхней одежды. Я отползла чуть дальше, чтобы Окладникова меня не заметила. Кажется, намечалось что-то весьма интересное. Наверное, сейчас я узнаю, почему Окладникова ревела. Наверняка поссорилась со своим парнем.

— Олег! Остановись! Давай поговорим! — вновь крикнула Васька ему в спину. Я никогда не слышала в ее голосе столько мольбы.

Беги, Олег, беги! Иначе она тебя догонит, и тебе крышка.

Молодой человек, конечно же, не слышал моих мыслей, надо сказать весьма здравых, и замер в нерешительности. Широкие плечи его дрогнули. И он все-таки обернулся. Василина подскочила к нему и, умоляюще заглянув в глаза, схватила за руки.

Меня, притаившуюся под елками, ни он, ни она, к счастью, не замечали.

— Ты не можешь так поступить! — говорила Василина, захлебываясь в своих чувствах, словно в воде, и хватая ртом воздух.

— Прости, — опустил лицо, тихо, но твердо сказал Олег. Тембр у него оказался приятный, глубокий, не то что комариный писк Окладниковой.

— Это неправильно... Не бросай меня, не бросай, — твердила она с мольбой.